

Серия «Mémoires de la mode»

**Записки придворнаго
брильянтика Позье
о пребываніи его въ Россіи**

Съ 1729 по 1764 г.

(Переводъ съ французской, неизданной рукописи)

1909

Peter Carl Fabergé

**Goldsmith and Jeweller
to the Russian Imperial Court**

by Henry Charles Bainbridge

1949

ЮВЕЛИРЫ РУССКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА

Иеремия Позье

Записки придворного
бриллианщика
о пребывании его в России
с 1729 по 1764 год

Г. Ч. БЕЙНБРИДЖ

Карл Фаберже

Золотых дел мастер и ювелир
русского императорского двора

 ЭТЕРНА

2025

УДК 739
ББК 85.12
Ю14

ЗАПИСКИ ПРИДВОРНАГО БРИЛЬЯНТЩИКА
ПОЗЬЕ О ПРЕБЫВАНИИ ЕГО ВЪ РОССИИ
Съ 1729 по 1764 г.
(Переводъ съ французской, неизданной рукописи)
1909

PETER CARL FABERGÉ
Goldsmith and Jeweller to the Russian Imperial Court
by Henry Charles Bainbridge
1949

На переплете – Большая императорская корона, 1762.
И. Позье, Г.Ф. Экарт. Музеи Московского Кремля.

Ю14 **Ювелиры русского императорского двора:** Иеремия Позье. Записки придворного бриллиантщика о пребывании его в России с 1729 по 1764 год: Пер. с фр.; Г.Ч. Бейнбридж. Карл Фаберже: Золотых дел мастер и ювелир русского императорского двора / Пер. с англ. в сокр. В. Максимовой. – М.: Этерна, 2025. – 296 с.: ил. – (*Mémoires de la mode*)

ISBN 978-5-480-00453-3

Книга посвящена двум ювелирам русского императорского двора разного времени – Иеремии Позье и Карлу Фаберже.

В первую часть вошли воспоминания знаменитого бриллиантщика И. Позье (1716–1779) о его пребывании в России с 1729 по 1764 годы. Творчество мастера оказало большое влияние на российское и европейское ювелирное искусство.

Вторая часть – это перевод книги Г.Ч. Бейнбриджа о величайшем ювелире Карле Фаберже (1846–1929). Драгоценные изделия и фантазийные предметы его фирмы высоко ценятся во всем мире и по сей день и демонстрируются в музеях разных стран как непревзойденные образцы ювелирного искусства.

ISBN 978-5-480-00453-3

© В. Максимова, перевод, 2025
© ООО «Издательство «Этерна»,
издание на русском языке, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Иеремия Позье

Записки придворного бриллианщика
о пребывании его в России с 1729 по 1764 год9

От редактора10

Глава I17

Путешествие из Женевы через Петербург в Москву –
Переезд Позье в Архангельск – Возврат в Москву –
Смерть отца
1729–1731

Глава II23

Годы учения – Работа в покоях императрицы
Анны Иоанновны – Позье открывает свою мастерскую –
Воронцов и его жена – Низвержение Бирона –
Правительница Анна Леопольдовна делает заказ Позье.
1731–1741

Глава III35

Восшествие на престол Елизаветы – Двор Елизаветы –
Придворные ювелиры – Императрица заказывает Позье
звезду для принца Саксонского Карла – Восковая модель –
Заказы подарков для иноземных послов –
Подарки и вещи, привезенные Позье из-за границы –
Разговор с императрицей – Отношение Елизаветы
к наследнику престола и великой княгине – Позье в роли
посредника между императрицей, министрами
и иноземными послами при русском дворе
1741–1761

Глава IV.....55

Болезнь Позье – Внимание к нему умирающей императрицы
Елизаветы – Позье в комнатах Елизаветы Воронцовой –
Позье получает чин бригадира – Приближенные Петра III –
Работы Позье для убранства покойной императрицы Елизаветы –
Екатерина у гроба Елизаветы – Воспоминания о балах,
маскарадах и прочих увеселениях Елизаветы и ее двора –
Дворец Елизаветы Петровны – Наряды дам –
Обычай румяниться – Корона и бриллианты императрицы
Елизаветы и уборы ее приближенных – Торговые дела
и компаньоны Позье – Принцессы Гольштейнские –
Петр III в Ораниенбауме – Позье у Елизаветы Воронцовой –
Гольштейнская гвардия – Спектакль, устроенный Петром III –
Вторичная поездка Позье в Ораниенбаум –
События 28, 29 и 30 июня 1762 года –
Судьба принца Георга Гольштейнского и его семейства
1761–1762

Глава V.....89

Работы Позье к коронации Екатерины II – Бецкой –
Корона Екатерины – Расчеты кабинета ее величества
за работы, выполненные Позье для Петра III –
Олсуфьев – Поездка в Москву на коронацию Екатерины II –
Отзыв императрицы о ее вельможах – Князь Волконский
и его племянник – Посылка ордена и червонцев графу
Понятовскому – Возвращение в Петербург –
Приготовления Позье к отъезду на родину –
Расплата двора за бриллианты – Екатерина II посылает
медали со своим изображением д'Аламберу и Вольтеру –
Бегство Позье из России
1762–1764

Г.Ч. Бейнбридж

Карл Фаберже

Золотых дел мастер и ювелир
русского императорского двора111

Предисловие.....112

Глава I

Семья и Дом Фаберже117

Глава II

Карл Фаберже – человек.....146

Глава III

Искусство и ремесло Фаберже166

Глава IV

Императорские пасхальные яйца195

Глава V

Фаберже в Эдвардианскую эпоху,
Сандрингемский дворец и его животные и цветы211

Глава VI

Русские фигурки Фаберже из цветных камней248

Глава VII

Мастера фирмы Фаберже252

Глава VIII

Клейма Фаберже281

Иеремия Позье

Записки
придворного бриллиантщика
о пребывании его в России
с 1729 по 1764 год

ОТ РЕДАКТОРА¹

Литература русской истории XVIII века не богата печатными мемуарами. Если мы назовем Болотова, Бибикова, Грибовского, Данилова, княгиню Дашкову, Державина, Дмитриева, Екатерину II, Нащокина, Неплюева, Порошина, Храповицкого, князя Шаховского, князя Щербатова, Энгельгардта, то едва ли перечислим если не всех, то по крайней мере главнейших составителей изданных записок, русских людей, сохранивших для отечественной истории сказания о событиях и деятелях XVIII века. Что касается записок иноземцев о России, то тут мы имеем значительно большее число лиц. Впрочем, если последнего рода мемуары значительно превышают первую группу в количестве, то этого никак нельзя сказать об их качестве. При этом нельзя не заметить, что большинство иноземцев, бывших в России в XVIII веке и писавших о ней, почти исключительно принадлежат к высшему кругу. Но помимо этой вереницы послов, посланников и секретарей посольств разных иноземных дворов, рассказывавших о России в своих мемуарах или депешах, там и сям впоследствии появившихся в печати, были тысячи иноземцев из простых людей, разного рода, так сказать, мелкой сошки служилые люди: ремесленники, мастеровые, стремившиеся в течение XVIII века из немецкой земли, Франции и в особенности из Швейцарии в льдистую Московию, с целью составить себе fortuna. Неужели никто из этих лиц не оставил о себе записок?! Это было бы чрезвычайно грустно для любителей отечественной старины, так как именно ремесленники-иноземцы, не стоявшие на разных ступенях служебной иерархии, не связанные с какими-либо партиями, отнеслись бы к предмету своих воспоминаний гораздо беспристрастнее и трезвее служилой знати и представителей иноземных дворов.

¹ Стилистика, построение фраз, а также некоторые пояснения по мере возможности сохранены. – *Здесь и далее прим. ред.*

Между тем, к сожалению, нам почти неизвестны мемуары именно таких людей. Погоня ли за быстрой наживой, работа ли в магазинах, кладовых и мастерских, но было что-то, всецело поглощавшее жизнь иноземцев – ремесленников и купцов, и они менее всего думали о записи виденного и слышанного и о завещании потомству воспоминаний о своем пребывании в России. Пришлый иноземец наживал деньги и заканчивал свою работу в этой стране, «отряся прах от ног своих», спешил доживать век свой на родину, в какое-нибудь захолустье Германии или в укромный городок Швейцарии.

Эти люди мало пишут и теперь, почти ничего, кроме своих счетов и переписки по коммерческим делам. Тем дороже для нас исключения. На этот раз пример подобного исключения – рукописные, ни разу еще не напечатанные записки Иеремии Позье о его пребывании в России с 1729 по 1764 год.

Иеремия Позье был один из иноземцев-ремесленников. Вот главные факты его жизни. Позье родился в Швейцарии в 1716 году. В 1729 году тринадцатилетним мальчиком Иеремия Позье пешком (в буквальном смысле) прошел вместе с отцом всю Швейцарию, Германию, Голландию, сел в Гамбурге на корабль и приплыл в Петербург в 1729 году, в царствование Петра II. В Москве находился и родной дядя юного пришельца, Петр Позье, служащий хирургом. На него были все надежды: он даст средства на жизнь брату и племяннику. Но Москва далеко, денег – нет, Позье-отец с другом добывает себе у одного знакомого десятка экю, пристает к какому-то извозчику, везшему вино, кладет к нему на телегу свой скромный багаж и пешком, вместе с сыном, отправляется в Москву. Путешествие было крайне утомительным. Оно продолжалось шесть недель. Разбитые, измученные, не знающие ни единого слова по-русски, Позье, отец и сын, добираются наконец до Москвы. Здесь их ждет новое испытание: дом, в котором жил их родственник, сгорел незадолго до их прихода. В нем погиб весь достаток Позье-хирурга. Тем не менее он принимает родных и пристраивает их к бригадиру Ролану, тот записывает Иеремию Позье сержантом в армейский полк, и он отправляется с ним и отцом в Архангельск, куда Ролан назначен комендантом.

В Архангельске комендант скоро умирает, споенный насмерть губернатором. Старик Позье возвращается в Москву и здесь в конце 1731 года, истомленный всеми скитаниями и неудачами, умирает на руках пятнадцатилетнего сына, которого незадолго до этого с трудом удалось выпisać из полка. Несчастный юноша оказался в совершенном отчаянии. Но пред ним появляется возможность честно зарабатывать хлеб: он молод, здоров, способен. Отец еще перед смертью договорился отдать его на семь лет в ученье, в Петербург, к придворному бриллианщику, французу Граверо.

Таким образом, Иеремия Позье попадает в Петербург, здесь он учится с большим старанием и не только быстро осваивает ювелирное ремесло, но и достигает больших успехов. Хозяин его, Граверо, любит сильно покутить и повеселиться и все взваливает на плечи молодого ученика. Работы много. императрица Анна Иоанновна любит бриллианты и приказывает Граверо приходить с мастерами во дворец и здесь работать на ее глазах. Но Граверо часто загуливает и не является ко двору, зато на месте всегда – Позье. Анна Иоанновна замечает его, милостиво разговаривает с ним, предлагает заказы и поручает ему отправиться в свите ее посла в Китай для закупки разных дорогих вещей. За смертью Анны Иоанновны эта командировка Позье не состоялась.

Между тем Позье заканчивает учение и вскоре становится известным всему двору. Он открывает свою мастерскую, сначала весьма скромную. Искусство в работе, аккуратность в исполнении, честность и готовность давать, нередко себе в убыток, кредиты заказчикам, обычно крупным и мелким придворным лицам, привлекают к Позье много клиентов. Фирма его и положение при дворе вполне обеспечены. Анна Иоанновна¹, Анна Леопольдовна², Елизавета

¹ А н н а И о а н н о в н а (1693–1740) – в 1730–1740 гг. императрица Всероссийская из династии Романовых, племянница и крестница Петра I.

² А н н а Л е о п о л ь д о в н а (урожд. принцесса Мекленбург-Шверинская) (1718–1746) – внучка Ивана V по матери, правительница-регент Российской империи с 9 ноября 1740 г. по 25 ноября 1741 г. при своем сыне, малолетнем императоре Иване VI.

Петровна¹, Петр III и Екатерина II последовательно делают ему заказы, часто призывают его к себе, говорят с ним, особенно милостиво относятся к нему Елизавета Петровна.

Вслед за особами царской фамилии у Позье завязывается сотрудничество с чиновниками каждого нового правления: Бирон², Лёвенвольде³, Линар⁴, Лесток⁵, Шуваловы, Воронцовы, Разумовские, принц Георг Гольштейн-Готторпский⁶ и его семейство, граф Понятовский⁷, братья Орловы – все они его заказчики, знакомые, нередко, как Лесток, – хорошие приятели. Представители иноземных дворов также были его добрыми знакомыми, например роскошный венский посол, граф Эстергази после оказанной ему Позье важной услуги обещал последнему свою дружбу навсегда. Наконец, в последние годы царствования Елизаветы Петровны бывали случаи, когда безвестный некогда швейцарский выходец становился посредником в отношениях великого канцлера России с императрицею.

¹ Е л и з а в е т а П е т р о в н а (1709–1762) – императрица и самодержица Всероссийская из династии Романовых с 25 ноября (6 декабря) 1741 г. по 25 декабря 1761 г. (5 января 1762 г.), младшая дочь Петра I и Екатерины I.

² Б и р о н, Эрнст Иоганн (1690–1772) – фаворит русской императрицы Анны Иоанновны, регент Российской империи в октябре – ноябре 1740 г., граф Священной Римской империи (с 1730), герцог Курляндии и Семигалии с 1737 г. В 1740–1761 гг. находился в ссылке.

³ Л ё в е н в о л ь д е, Рейнгольд Густав (1693–1758) – фаворит Екатерины I, влиятельный придворный в правление Анны Иоанновны и регентство Анны Леопольдовны при императоре Иване VI, обер-гофмаршал (1730). В результате дворцового переворота, совершенного Елизаветой, осужден и сослан в Соликамск, формально за растрату казенных денег.

⁴ Л и н а р, Мориц Карл (1702–1768) – граф, посланник Саксонии в России, фаворит российской правительницы Анны Леопольдовны.

⁵ Л е с т о к, Герман (1692–1767) – хирург немецко-французского происхождения, граф, первый в России придворный лейб-медик, действительный тайный советник (1741), главный директор Медицинской канцелярии.

⁶ Г о л ь ш т е й н - Г о т т о р п с к и й, Георг Людвиг (1719–1763) – российский генерал-фельдмаршал, принц, двоюродный дядя Петра III и родной (по матери) – Екатерины II.

⁷ П о н я т о в с к и й, Станислав II Август (1732–1798) – последний король Польский и великий князь Литовский в 1764–1795 гг.

Пять перемен правления совершаются пред глазами Позье: возведение на престол малютки Иоанна Антоновича, падение регента Бирона, свержение правительницы Анны Леопольдовны, восшествие на престол Елизаветы Петровны, восшествие на престол Петра III, волнения в первые годы царствования Екатерины II. Он не мог безучастно относиться к этим событиям уже потому, что они отражались на его заказах и торговой деятельности. Но Позье был очень осторожен и рано усвоил все правила поведения в водоворотах придворной жизни, чтоб ввязываться в какие-либо интриги. Эту осторожность он проявил весьма рано: например, довольно близкий с Лестоком (Позье за несколько часов до переворота, произведенного Лестоком в пользу цесаревны Елизаветы, ужинал с ним), сумел не только не попасть в число заговорщиков, но так себя держал, что даже ветреный Лесток не решился поделиться с ним своими замыслами¹.

Вместе с осторожностью и тактом Позье держал себя честно и благородно: это не какой-нибудь еврей, армянин или грек, которых так много было в качестве бриллиантчиков-ростовщиков и по всякого рода делам промышленников при русском дворе того времени и которые разными проделками и обманами сколачивали себе громадные состояния, – нет, Позье скорее сам терял, нежели наживал, и терял именно по излишней доверчивости, благородству и чрезвычайной мягкости характера. Наконец, ввиду беспрестанных обманов со стороны многих его заказчиков, вельмож русских, швейцарец, испуганный мыслью потерять последний капитал, нажитый тридцатилетним упорным трудом, решился оставить Россию, но к нему так была расположена новая монархиня России, Екатерина II, в его бриллиантах так часто нуждаются придворные, наконец, сам Позье до того стал необходимым по своей профессии русскому двору, что если бы он заявил о своем желании навсегда оставить Россию, то его, как он сам рассказывает, ни за что бы не выпустили. Ввиду этого Позье прибегает к хитрости и под видом кратковременного отпуска уезжает в январе 1764 года из России

¹ В конце 1730-х и начале 1740-х гг. Лесток был доверенным лицом Елизаветы Петровны, организатором дворцового переворота 25 ноября 1741 г. Агент французского дипломатического влияния. С 1745 г. оказался в опале.

с женою, взрослыми дочерьми и небольшим капиталом, не без труда нажитым. Капитал этот дал возможность Позье мирно прожить около пятнадцати лет на своей родине, в Швейцарии, где он и умер 2 или 30 (точно неизвестно) декабря 1779 года.

Неизвестно, в каком именно году Позье написал представляемые здесь записки. Верно только то, что они написаны уже по возвращении его в Швейцарию, написаны наскоро, без особых справок, строгой последовательности и с главною целью очертить прежде всего крупнейшие обстоятельства своей собственной жизни и торгово-ремесленной деятельности. Всем этим вполне объясняются следующие обстоятельства:

– сбивчивость хронологии. В этом отношении записки Позье сильно грешат, автор зачастую делает неточные указания времени события, нередко повествует о факте позднейшего времени прежде события предыдущих годов, и вообще года того или другого события он либо вовсе не называет, либо указывает на него в общих выражениях;

– о многих важных политических событиях, сопровождавших восшествия на престол государей, Позье рассказывает не столь подробно, как бы это мог сделать, исходя из близких отношений ко двору, что, впрочем, не относится к заметкам о перевороте 1741 года и в особенности 1762-го, они довольно важные и интересные;

– в своих отзывах об особах, высоко стоявших, Позье чрезвычайно осторожен, что не мешает ему, однако, передавать в высшей степени драгоценные черты для характеристики Анны Иоанновны и в особенности Елизаветы Петровны и Петра III¹. Эти черты тем драгоценнее, что они сообщаются человеком, бывшим в бесперывных отношениях с этими лицами, и, что самое важное, передаются лицом, по нравственным своим качествам заслуживающим доверия;

– в упоминаниях о разных второстепенных лицах Позье похож на прочих иноземных писателей о России: он нещадно искажает соб-

¹ Кратковременному царствованию Петра III Позье отводит достаточно много места. Придворный бриллианщик, получивший от Петра III чин бригадира, передает все подробности своих частых свиданий с ним. Подробности эти чрезвычайно интересны и весьма живо очерчивают личность Петра III.

ственные имена, так что иногда при всем желании добраться, кто скрывается под тем или иным именем, не всегда возможно;

– так как записки были написаны, как очевидно из их содержания, не для печати, а только для семьи и по просьбе дочерей автора, то он уделяет довольно много места чисто личным воспоминаниям о частностях своей жизни: например, подробно рассказывает о своей поездке из России за границу зимою 1750 года.

Представляя записки Позье в переводе, мы восстановим, где это возможно, искаженные автором имена собственные и сделали нужные примечания. Для облегчения мы разбили записки на главы и привели в начале каждой из них краткое описание, вместе с этим заменили заглавие рукописи «Очерк жизни Иеремии Позье» на более точное – «Записки придворного бриллианщика Позье о пребывании его в России». Считаю необходимым также оговорить, что при печатании записок мы опустили подробности, либо не относящиеся к России, либо не имеющие общего интереса¹.

*А.А. Кунин,
редактор первого издания,
«Русская старина», 1762*

¹ Точно так же мы нашли бесполезным печатать завещание Позье, помещенное на последних четырех страницах манускрипта, так как оно всецело касается его семейных дел и распоряжений.

Глава I

Путешествие из Женевы через Петербург в Москву – Переезд Позье в Архангельск – Возврат в Москву – Смерть отца 1729–1731

Был 1729 год, когда отец мой Этьен Позье, родившийся в Клераке, решился по настоянию брата своего Пьера Позье, состоявшего хирургом при дворе русского императора Петра I¹, уехать из Женевы, где он имел жительство с женой своей Сюзанной Буверо, от которой имел шестерых детей. Незначительность состояния утвердила его в этом намерении. Он взял с собою моего старшего брата Филиберта и меня, которому было в то время не более десяти лет, а в Женеве оставил трех моих сестер и третьего брата. Отправились мы пешком с небольшим скарбом и немногими деньгами и прошли таким образом всю Швейцарию, Эльзас и Вестфалию.

Придя в Амстердам, лишенные всего, претерпев все ужасы нищеты и ненастья холодной зимы, мы там встретили г-на Дютеля Бергери, земляка моего отца. Он доставил ему средства до Гамбурга, но мы не решались отправиться туда морем вследствие противных ветров, а состояние нашего кармана не позволяло нам долее оставаться в Амстердаме, поэтому мы отправились в Гамбург пешком. Дойдя до берегов Эльбы, мы нашли реку замерзшей, что принудило нас провести пять дней в маленькой деревушке, где отцу пришлось оставить наши пожитки, потому что ему не было чем заплатить за постой, а деньги предстояло получить только в Гамбурге, куда брат должен был выслать.

¹ Хирург этот не упоминается в списке докторов, лекарей и хирургов, бывших при русском дворе в первую половину XVIII в., по крайней мере его нет в книге Рихтера В.М. История медицины в России. М., 1814–1820.

Едва мы прибыли в этот город, отец тяжело заболел, что задержало нас на целых шесть месяцев и истощило небольшие средства, которые мы имели. Отец принужден был написать другому своему брату в Клерак и просить его прислать какое-нибудь пособие, чтобы мы могли уплатить долги и продолжить наше путешествие в Россию. Но надо было случиться, что у этого брата только что затонули у берегов Англии три корабля, нагруженные товарами, вследствие чего он не имел возможности помочь нам и прислать нам столько денег, чтобы мы могли расплатиться с долгами. Мы сели на маленькое судно, которое г-н Д. Бергери послал на свой счет в Петербург.

Отец решился отдать брата моего Филиберта в Гамбурге в учение г-ну Дюма-ножовщику. Разлука эта была крайне тяжелая для меня, так как я привык переносить с ним все лишения и нужду, и мы расстались исполненные сильнейшего горя. Бедный брат не спускал глаз с нашего корабля, пока мы не исчезли из виду, несчастный отец, который был не менее меня огорчен этой разлукой, всячески старался утешить меня.

Мы пробыли в море шесть недель, причем не обошлось без бурь, но благодаря Провидению не погибли и, наконец, в августе прибыли в Санкт-Петербург в самом жалком положении и без копейки денег. В довершение всего отец не застал там своего брата, который был в Москве при дворе, т. е. в двухстах лье от нас. В эту критическую минуту он обратился к некоему Дюбюиссону, французу, который содержал гостиницу и знал его брата. Этот господин приютил нас у себя на две недели, после чего отец мой, оправившись с дороги, решился продолжать путь до Москвы, чтобы там встретиться с дядей. Для этого пришлось прибегнуть к помощи одного знакомого, который с большим трудом дал нам взаймы десять экю, чего едва достаточно было для такого дальнего путешествия, так что нам пришлось сложить наши скудные пожитки на маленькую телегу, которая отправлялась в Москву с вином, а самим пешком идти за ней. С русским извозчиком мы могли объясняться только знаками, питаться всю дорогу лишь хлебом и молоком и часто спать под открытым небом, где нас заедали комары, которых там было множество, потому что местность болотистая.

Почти непостижимо, каким образом отец мой и я могли перенести все, что пришлось терпеть в эти шесть недель, но наконец мы дошли до Москвы, где надеялись отдохнуть от всех наших бед. Но Провидение распорядилось иначе. На наше несчастье, мы пришли в эту столицу в то время, когда половина ее погибла в пожаре. Мы сами прошли восемь верст (2 лье) по местности, опустошенной пожаром, разыскивая дом моего дяди, но он тоже сгорел дотла. Дяде не удалось ничего спасти, и ему самому пришлось выскочить из постели и спастись через окно со всем семейством. В таком печальном положении мы застали того, от кого ждали помощи и облегчения от всех бед этого бесконечного путешествия. Насилу у него нашлась квартира, где поселиться, и знакомые богатые господа присылали ему дрова.

Мы пробьли у них шесть месяцев, тогда отец, не желая быть в тягость брату и встретившись в Москве с одним знакомым, бригадиром Роланом, кому императрица Анна только что вверила за его долгую службу начальство над Архангельском, решил по его совету отправиться с ним¹. Бригадир жил один, был преклонных лет и обещал отцу все удобства, какие сам мог доставить себе в подобном захолустье. Он захотел, чтобы отец взял меня с собою, чтобы определить на военную службу, куда и отдали меня с чином сержанта в Вологодский полк, обещая повышать меня впоследствии, по мере того как будут прибавляться мои годы, а мне в то время было одиннадцать лет². Мы выехали из Москвы в июне месяце 1729 (1730?) года в Архангельск, куда добирались четыре недели, хотя совершали путешествие в экипаже. Путешествие это было довольно трудное до Вологды, где мы сели на барку и поплыли по реке, называемой Двиною. Это плавание, хотя не особенно опасное, было весьма тяжелым из-за жары и комаров, от которых не было отбою, несмотря на то что постоянно заставляли драгунов, служивших в конвое коменданта, курить и жечь дрова на барке.

¹ Отъезд Позье-отца с сыном в Архангельск произошел в первый год царствования Анны Иоанновны.

² Не одиннадцать, а четырнадцать лет, если верно указание на 1716-й как на год рождения Иеремии Позье.

В начале этой главы я в общих чертах говорил о различии во внешнем виде между предметами, покрытыми эмалью и окаймленными золотом, и изделиями с эмалью и серебром. Но мне не хотелось бы, чтобы это суждение нанесло ущерб очень большому количеству предметов, особенно портсигарам. Уделяя пристальное внимание эмалированию и выбирая мягкие цвета, такие как розовый, малиново-красный и нежно-зеленый, а также окаймляя изделия тончайшей позолотой, мы получали изделия, которые приносили большое эстетическое удовлетворение и в то же время удовлетворяли потребности многих людей. Они были готовы платить 35–50 фунтов стерлингов (я, конечно, имею в виду пятидесятилетнюю давность). Но если портсигар был изготовлен из золота, то он стоил уже 100 фунтов стерлингов и более, что было слишком много для такого предмета. На золотых окантовках таких портсигаров почти всегда имелась маркировка 56 или 72, а на серебряных – иногда стояли маркировки 84, 88 или 91, а бывало и нет.

По поводу маркировки подобных изделий в 1910 году проходил судебный процесс, в результате которого судья вынес такое решение: «Я не думаю, что рассматриваемый золотой портсигар с эмалью вообще можно назвать гравированным, резным или чеканным; и (если эмаль можно назвать драгоценным камнем) его нельзя назвать золотым портсигаром, богато украшенным драгоценными камнями... Таким образом, я пришел к выводу, что все эмалированные изделия, о которых идет речь, подпадают под действие Закона о таможене 1842 года, раздела 10, Закона о доходах 1883 года и Закона о маркировке иностранных изделий 1904 года и должны быть подвергнуты анализу. Они будут допущены в нашу страну, если соответствуют стандартам и должным образом отмаркированы».

Прежде чем вынести это окончательное решение, судья сослался на практику, которой более 150 лет придерживались ювелиры, проводя анализ и маркировку изделий в черновом виде, а также на привычку эмальеров Соединенного Королевства отправлять свои изделия в ювелирный цех для анализа и маркировки перед нанесением эмали и последующей обработки. Таким образом, можно было избежать любого

риска, связанного с нанесением маркировки после завершения работ по нанесению эмали. «По-видимому, нет причин, – сказал он, – по которым импортеры золотых и серебряных изделий не могли бы действовать таким же образом. В этом отношении они находятся не в худшем положении, чем производители в Соединенном Королевстве, за исключением, возможно, того, что стоимость отправки их изделий в необработанном виде в ювелирную компанию может быть несколько выше».

О чем забыл судья, так это о большой потере времени и дополнительных неудобствах для фирмы, у которой и без того было достаточно проблем. Ни одному ювелиру не нужно напоминать, что существует огромная разница между тем, чтобы купить изделие за углом, и тем, чтобы отправить его за тысячи миль. Тем не менее, как только суд закончился, Фаберже поступил именно так и продолжил посылать свои работы в Лондон, пока из-за Первой мировой войны это стало невозможным. Именно по этой причине сегодня на многих изделиях Фаберже можно увидеть клейма, характерные как для Англии, так и для России.

Фаберже было не так легко соблюсти английские правила, установленные судом. Отправка образцов для анализа и маркировки, хотя и доставляла бесконечные неудобства (задержки, расходы, раздражение), была наименьшей из возникших трудностей. Именно технические трудности стали камнем преткновения. Проблема заключалась не в нанесении эмали на золото, а в нанесении эмали на серебро требуемой пробы, соответствовавшей английскому стандарту.

До суда Фаберже использовал серебряные основы 84-й и 88-й пробы, в основном 88-й. Как мы уже знаем, серебро этой пробы ниже английского стандарта, поэтому Мастеру пришлось перейти на серебро следующей российской пробы, а именно 91-й, которая была выше английского стандарта, хотя в то время считалось, что производить предметы только для английского рынка нецелесообразно.

Просматривая переписку с Санкт-Петербургом после суда, я обнаружил, что трудности были настолько велики, что полностью пре-

одолеть их было невозможно, особенно в случае предметов, требовавших большой поверхности эмали, таких как портсигары, на которых в значительной степени зиждилась слава Фаберже. В конце концов ему пришлось отказаться от идеи нанесения эмали на серебро 91-й пробы, за исключением изделий, предназначенных специально для Англии, но они так и не достигли полного совершенства изделий, покрытых эмалью на основе серебра 88-й пробы.

Я вспоминаю один случай с серебряной иконой Мадонны с Младенцем. Когда 21 января 1908 года ее исследовали в Голдсмит-холле, тогдашний заместитель начальника ювелирной комиссии мистер Робинсон постановил, что ее следует разобрать на части, чтобы каждую можно было проверить отдельно.

Сама икона, во всех ее частях, прошла эту экспертизу как серебряная, соответствующая английскому стандарту, но 300 маленьких гвоздиков, которые сзади удерживали каждую часть иконы в нужном положении, были изготовлены из серебра, не полностью соответствовавшего английскому стандарту. Согласно строгой букве английского закона в интерпретации ювелиров, этого было достаточно, чтобы потребовать возвратить икону в страну изготовления. По доброй воле заместителя начальника мне разрешили заменить эти гвоздики на те, что соответствовали английскому стандарту качества, произведенные в Англии. Когда я поинтересовался у Фаберже причиной использования крепежных изделий другой пробы, он ответил: «Потому что они крепче и эффективно выполняют свою работу».

Таким образом, получилось так, что из-за твердой решимости придерживаться своих суверенных прав Англии в будущем пришлось довольствоваться второсортными предметами, покрытыми эмалью на серебряной основе.

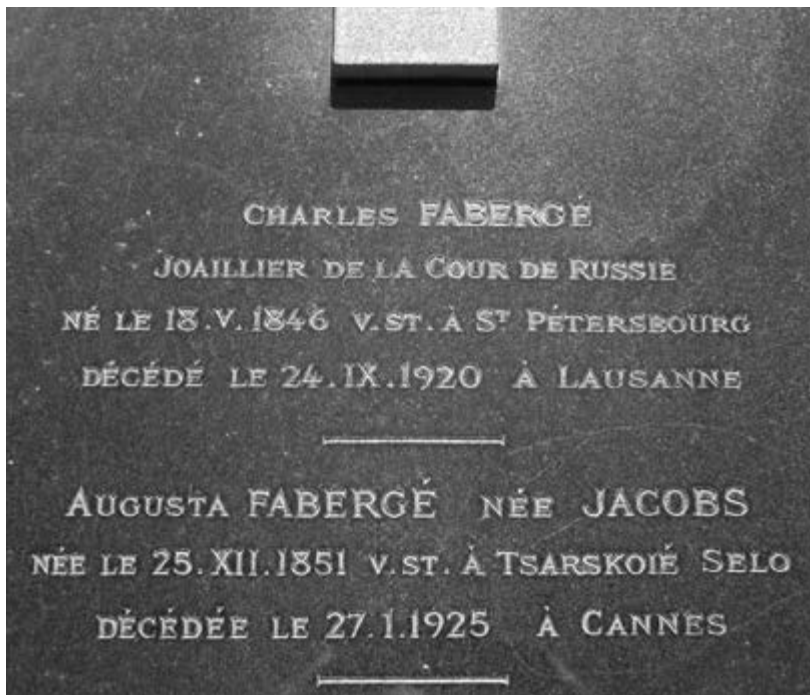
Все страны строги в своих правилах маркировки золотых и серебряных изделий, но не настолько. Время от времени я отправлял самые изысканные эмалированные изделия в пробирное бюро в Париже, и там с бесконечной тщательностью их анализировали и ставили на них клейма, никоим образом не повреждая. Там можно

найти немало подобных изделий Фаберже с тремя отличительными знаками России и Англии, а также с самой легкой и нежной маркой Франции.

Итак, мы подходим к концу истории о Фаберже. Оглядываясь назад, на сорокалетний опыт личного знакомства с ним и его изделиями, я спрашиваю себя, что из всего его творчества было его самым большим достижением? Было ли это его решение вместе с братом Агафоновым перейти от создания ювелирных украшений к изготовлению фантазийных предметов и тем самым подчеркнуть тот факт, что какими бы чудесными ни были творения природы, дело человека – воплощать их в жизнь, а не поклоняться им просто за то, что они есть? Было ли это связано с созданием императорских пасхальных яиц, куда он вложил все свое искусство и изобретательность, чтобы облегчить постоянные заботы императрицы Марии Федоровны? Была ли это радость, какую он доставлял царице Александре по утрам в день ее рождения? Было ли это восхищение, какое вызывали его изделия у многих-многих сотен культурных людей по всему миру, независимо от расы и вероисповедания? Было ли это воплощением духа России во всех его произведениях из золота, серебра, эмали и редких камней, достижением, приобщившим его к великой традиции и плеяде выдающихся художников, кого Россия покорила, чтобы никогда не отпускать, и на кого она так воздействовала своей магией, что все, что они делали, было воплощено в жизнь? Был ли это исключительно гуманный подход к работе, приносивший удовлетворение ему самому и всем, кто на него работал? Было ли это возрождением искусства нанесения эмали на большие поверхности из золота и серебра? После суда почему Фаберже принял решение продолжать свою работу? Стремился ли он победить конкурентов и открыть бизнес такого масштаба, который поразил бы английских ювелиров? Или он увидел в действиях Англии разновидность глупости, какая была широко распространена по всей Европе, и считал своей прямой обязанностью бороться с ней без лишних слов и суеты?

Фаберже был не из тех людей, кто пытается кого-то ошеломить, не говоря уже о всевозможных способах создания фантазийных предметов, чем он так славился. С помощью таких вещей невозможно достичь финансового благополучия, даже при содействии всех культурных людей в мире. Что касается конкуренции, то это не имело значения, где бы вы ни были – в России, Германии, Франции, Соединенных Штатах Америки, Италии или Англии, – все равно, для него ее не существовало. И по сей день единственная конкуренция, с которой сталкиваются его работы, – это аукционные залы, где потенциальные покупатели борются за обладание ими. Никогда еще определение не было более оправданным, как это: «Последний из великих мастеров».

Нет, читатель, ты не сможешь понять Фаберже, приписывая ему амбиции обычных людей, тебе нужно подняться на его высоту и взглянуть на мир вместе с ним. На долю Мастера выпало внести огромный вклад в счастье человечества, и он добился этого с помощью своего уникального мастерства, показал, чего можно добиться, если мозг, сердце и руки работают в унисон. Сегодня это единство утрачено. Мозг есть, его слишком много. Сердце есть, но его недостаточно. Но мозг и сердце охвачены смешением множества голосов, поэтому они беспомощны, у них нет выхода. А руками мир разучился пользоваться.

Надпись на могиле Карла Фаберже
в Каннах на кладбище Гран-Жак:

Карл Фаберже

ювелир русского императорского двора
родился 13.V.1846 в Санкт-Петербурге
умер 24.IX.1920 в Лозанне

Мемуары

Серия «*Mémoires de la mode*»

ЮВЕЛИРЫ РУССКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА

ИЕРЕМИЯ ПОЗЬЕ

Записки придворного бриллианщика

о пребывании его в России

с 1729 по 1764 год

Пер. с фр.

Г.Ч. Бейнбридж

КАРЛ ФАБЕРЖЕ

Золотых дел мастер

и ювелир русского императорского двора

Пер. с англ. в сокр. В. Максимовой

Ведущий редактор серии *Н.В. Комарова*

Дизайн: *А.Б. Архутик*

Компьютерная верстка: *А.П. Зарубин*

Корректоры: *О.В. Круподер, В.А. Нэй*

Подписано в печать 14.11.2024 г.

Формат 79×909/16. Гарнитура Миниатюра.

Печ. л. 18,5. Тираж 1000 экз.

ООО «Издательство «Этерна»

115477, Москва, Кантемировская ул., 59а

Тел. (495) 325-41-15

E-mail: info@eterna-izdat.ru

www.eterna-izdat.ru